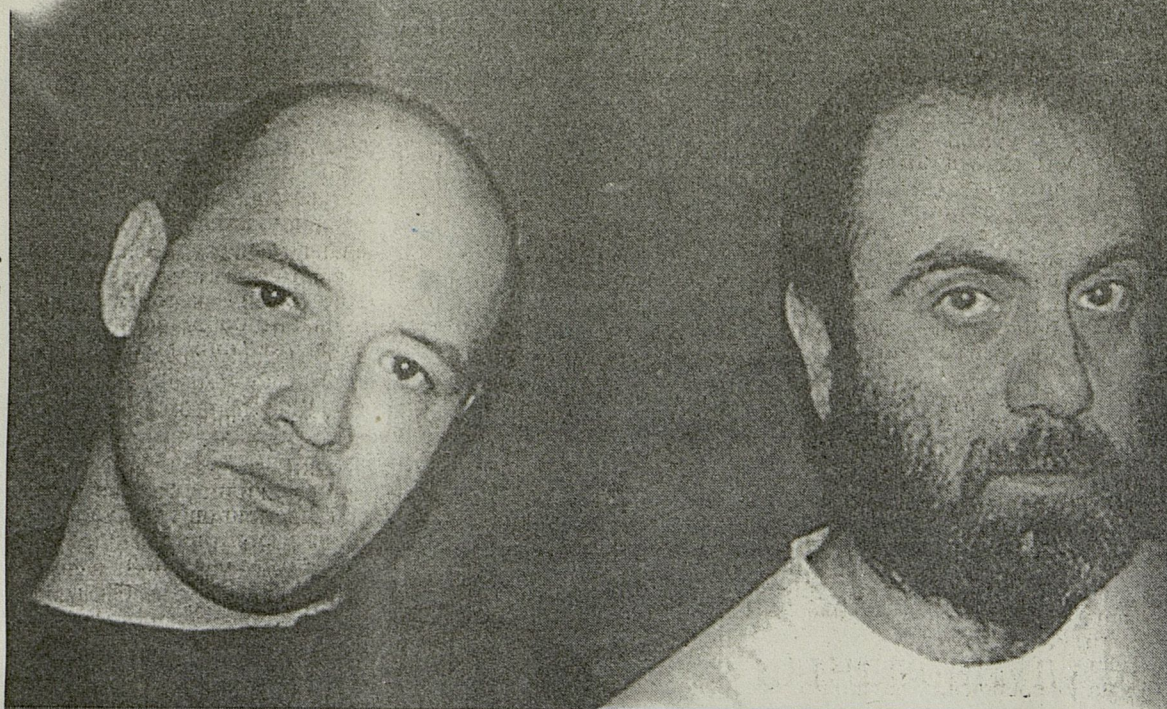

Максим Суханов (слева) для Владимира Мирзоева (справа) - знаковый актер.

Владимир Мирзоев:

"Театр - мощная игрушка в руках культуры"

- Владимир, все ваши спектакли выглядят очень эротично. Это такое специфическое видение мира?

- Эрос в нашем мире борется со смертью, это то, что смерти противостоит, то, что дает нам всем силы жить. Это не то чтобы мое видение мира, это часть нашего мира, которая гораздо привлекательнее, чем смерть.

- Эрос на ТВ и в кино имеет способность превращаться в пошлость. У вас же в спектаклях все предельно эстетизировано...

- Театр в этом смысле находится в более выигрышном положении. Театр - это же поэзия, в театре многое через поэтические тропы, метафоры реализуется. Если на сцене актеры начинают друг друга хватать, обнимать, целовать взад-вперед, весь эротический эффект сразу же исчезает. Порой актеру только стоит даже притронуться к актрисе, и вся эротика улетучивается. Вот такой вот загадочный театральный язык. На ТВ, наоборот, требуется другая мера условности, нужно свои открытия совершать, чтобы найти способ, как на ТВ передавать эротику не пошло, а художественно. Я телевидением не много занимаюсь, но, видимо, еще не очень разбираюсь в этом вопросе.

- Что означает "не много занимаюсь телевидением"?

- Я снимаю для канала "Культура" телеспектакль "Странные и сочувственные созерцания" по пьесе Максима Курочкина, замечательного московского драматурга, известного по проекту "Кухня", который он с Олегом Меньшиковым делал. Нетрудно догадаться, что в этом спектакле занят Максим Суханов. Другую главную роль исполняет Зоя Симонова, молодая и очень способная актриса, дочь Жени Симоновой и покойного Саши Кайдановского.

- Пожалуй, у вас нет ни одного проекта, в котором бы не был занят актер Максим Суханов.

- Максим Суханов - очень важный, знаковый актер для меня. Мне очень нравятся актеры, которые не загоняют себя в определенные рамки амплуа. Суханов - абсолютно универсальный актер, который может сыграть кого угодно и даже что угодно. И пожалуй, самое главное - у нас схожие представления о том, каким должен быть современный театр.

- Этот телеспектакль о любви?

- И о любви тоже. Но вообще-то это социальная пьеса, ей даже можно дать пугающий подзаголовок "производственная драма". Хотя это было бы, конечно, жестоко.

У московского режиссера Владимира Мирзоева долгие годы была слава мастера, занимающегося бескомпромиссным творчеством, не ищущего кассового успеха. Начав в преддверии "нового времени", Мирзоев стал одним из главных действующих лиц творческих мастерских - столичного образования времен перестройки. В начале 90-х авангард стали душить, и Мирзоев уехал в Канаду, где продолжил свой театальный поиск. А когда вернулся в Россию, неожиданно оказался "ко двору". Более того, уже несколько лет он является самым модным и скандальным московским режиссером. Спектакли Мирзоева сегодня балансируют на стыке поп-культуры и "чистого искусства". Беспроигрышная смесь для нашего времени, недаром Мирзоев не так давно получил Государственную премию.

Премьера "Короля Лира" с участием Максима Суханова ожидается в конце года.

- А как вы вообще относитесь к современному телевидению?

- На мой взгляд, телевидение должно нести инъекцию культуры, а не агрессии. Но, к сожалению, если сегодня сумасшествие где-то искать, то как раз на современном ТВ, в телевизионной реальности, которую называют второй реальностью. Многие вещи становятся привычными, нормальными, не вызывают агрессии, смущения, но ощущаются нами как болезненные. Так или иначе, это проблема - адекватность восприятия реального мира сильно нарушена. Благодаря ТВ мы живем в искаженном мире.

- А театр разве не искажает реальный мир?

- Нет, театр предвосхищает будущее. С помощью театра можно увидеть то, что в жизни общества проявится через 5-10 лет. С помощью театра можно понять почти все процессы, которые происходят внутри общества, потому что театр работает с коллективным бессознательным на очень тонком уровне. Поэтому театр - очень тонкий институт, загадочный, опасный. Мощная игрушка в руках культуры.

- А для вас лично театр - это...

- Это образ жизни. Театром в той или иной степени я занимаюсь уже почти 30 лет. Мне кажется, что в театре

я провел больше времени, чем где бы то ни было: и репетируя, и сидя на спектаклях. Порой возникает впечатление, что, может быть, нужно остановиться, попытаться заняться другими вещами, просто осмотреться. Потому что возникают уже всякие профессиональные синдромы: начинаешь видеть жизнь как театр. Реальность начинает казаться декорацией.

- Может быть, поэтому ваши спектакли похожи друг на друга, словно смотришь растянутый во времени сериал?

- Я же не придумываю свои спектакли - как они выговариваются, создаются естественно, так они и возникают. Это мой способ дышать, мой способ думать, говорить. Я не могу стать другим человеком в одночасье. Возможно, спектакли 80-х годов отличаются от того, что я делал в 90-е. Может быть, еще через 10 лет я буду как-то по-другому работать. Но почерк есть почерк.

- Вам часто приходилось отказываться от услуг актеров?

- Нечасто, но приходилось. В юности мне казалось, что человека надо уговаривать, нужно его уболтать, объяснить, что он не прав, надо еще подождать, поработать, постараться. А потом я понял, что если человек "отваливается", значит, так тому и быть.

Досье "Смены"

В 1981 г. окончил ГИТИС (факультет - режиссура цирка, мастерская М. Местечкина). С 1987 по 1989 год - художественный руководитель Театра-студии "Домино" в Творческих мастерских при Союзе театральных деятелей России, где поставил спектакли "Праздничный день" Ольги Михайловой, "Мадам Маргарита" Р. Атайяда, "Эскориал" М. де Гельдерода, "Фрекен Жюли" А. Стриндберга, "Полуденный раздел" П. Клоделя, "Возможности "А" Г. Баркера, "Тлеющие угли" С. Беккета. В декабре 1990 года в Торонто (Канада) основал театральную компанию "Horisontal Eight" ("Горизонтальная Восьмерка"). Спектакли: "Победа" М. Богомольного, "Возможности "Б" Г. Баркера, "Саломея" О. Уайльда, "Сильнейший" А. Стриндберга, "Игроки в пинг-понг" У. Сарояна, "Предложение", "Медведь" А. Чехова, "Три актера и их драма" М. де Гельдерода, "Она мертва" П. Абельмана, "Коллекция" Г. Пинтера, "Пир пауков" А. С. МакФарлейн, "Русский сон" О. Михайловой и др.

Поставил спектакли "Женитьба" Н. Гоголя, "Кто сильнее" А. Стриндберга, "Хлестаков" по Н. Гоголю, "Голуби" М. Угарова, "Тот этот свет" А. Казанцева, "В поисках чудесного", "Укрощение строптивой" У. Шекспира, "Двенадцатая ночь" У. Шекспира в Театре им. К.С. Станиславского, "Амфитрион" в Театре им. Евг. Вахтангова, "Две женщины" в театре "Ленком", "Коллекция Пинтера", "Миллионерша", "Тартюф" в Русском драматическом театре в Вильнюсе. Преподавал и вел мастер-классы в Мичиганском университете, Университете Торонто, Йоркском университете (Торонто) и др.

- Сказать актеру "нет" легко?

- Я очень редко отглаголивал людей. Потому что если человек приходит, даже неизвестный мне, и хочет показаться или говорить: "Я мечтаю с вами поработать", я

начинаю думать: а что я могу ему предложить? Я очень ценю встречный импульс, мне кажется это очень важным в нашей работе - взаимоотношения, как они строятся, на чем они строятся. Базовый, личностный уровень - он чрезвычайно важен, чтобы дело наше не превращалось в такую ремесленную тупую.

- Как относитесь к экспериментальному театру, нонконформизму? Сейчас они оказались на периферии интересов.

- Мне кажется, то, что происходит не в центре, а на периферии процесса, это чрезвычайно важно. Это разведка, это поисковая ситуация, которая дает возможность почувствовать разницу культуры. И вот эта якобы периферия в итоге оказывается в центре культуры. Обязательно. Она оказывается центром в другую эпоху. Центр все время смещается. И то, что было центром 20 лет назад, не является им сейчас, и наоборот.

- Говорят, вы собираетесь ставить "Короля Лира" в Театре Вахтангова с Максимом Сухановым?

- Да, в конце года будет премьера. Замысел выдавать не хочется, так как замысел здесь очень важен, поскольку эта пьеса Шекспира очень хорошо известна публике. Мне бы хотелось открыть в "Короле Лире" что-то совершенно новое. Что-то, что даст развернуть не только форму, но и содержание этой вещи. На сегодняшний момент я мог бы так сформулировать - для меня это прежде всего пьеса о желанной свободе, свободе, которая обретается в самом конце жизни, как итог жизни. Свобода - это то, чего в полной мере лишен любой правитель. Для меня это история о том, как человек в конце жизни попробовал быть свободным, таким же свободным, как, скажем, Шут. Это все, что я пока могу сказать о будущем спектакле, тем более что мы будем его сочинять все вместе.

- Вы сами - свободный человек?

- Я очень несвободный человек. Я завишу от всего - от воспитания, от среды и т.д.

- А зачем человеку нужна свобода?

- Чтобы совершить открытия, познать себя в полной мере. Человек рождается для того, чтобы познать себя, а через себя Бога.

- Звучит пафосно. Это цель жизни?

- А другой цели просто нет.

Ирина ПЛУЧИК